

Воротников Ю. Л.

СМЫСЛОВАЯ КАТЕГОРИЯ МЕРЫ ПРИЗНАКА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из ведущих направлений в лингвистике последних десятилетий стал функционализм. Обострение интереса к функционально-грамматическим исследованиям объясняется целым рядом причин как теоретического, так и прагматического характера. Для русистики, в частности, такой прагматической причиной стало развитие методики преподавания русского языка как иностранного, выдвинувшей в качестве одного из своих основополагающих принципов именно функциональный подход к отбору и подаче языкового материала [1, 17-21].

Обычно говорят о двух основных типах функционально-грамматических описаний в зависимости от того, "следуем ли мы направлению от формы к содержанию (семасиологический подход), либо от содержания к форме (ономасиологический подход)" [2, 12-13]. А.В.Бондарко выделяет также третий тип, базирующийся на синтезе подходов к материалу как "от формы к значению", так и "от значения к форме" [3, 8].

Необходимость синтеза в функциональной грамматике семасиологического и ономасиологического подходов по-разному понимается разными исследователями. Л.В.Щерба, к примеру, ставил под сомнение возможность чисто ономасиологического описания языка [4, 77]. В.С.Храковский же считает, что включение компонента движения "от формы к смыслу" определяется "не столько теоретически, сколько прагматически, а именно тем, что удовлетворительных полных формальных описаний конкретных языков, и в частности русского языка, еще нет..." [5, 71].

В результате комбинированного функционального анализа языкового материала как "от формы к значению", так и "от значения к форме" исследователь получает сложное содержательно-формальное единство, планом содержания которого является представленная в системе своих вариантов семантическая категория, а планом выражения - комплекс разноуровневых языковых единиц, объединенных общностью семантических функций. В терминологии А.В.Бондарко такие единства получили наименование функционально-семантических полей (ФСП) [3, 5].¹

А.В.Бондарко полагает, что семантические категории «представляют собой универсальные ("надязыковые") константы смысла, получающие различную системно-языковую и речевую интерпретацию в разных языках. ... налицо направление от исходной надязыковой содержательной системы к ее конкретно-языковой и речевой репрезентации» [7, 22].

А.В. Бондарко, впрочем, отмечает, что к выделяемым им семантическим категориям ведет и иной путь, путь, так сказать, "снизу", изнутри языка, от определенных аспектов содержания высказывания. В концепции А.В. Бондарко оба пути выделения семантических категорий, то есть путь "извне языка", от универсальных, "общечеловеческих" смысловых констант, и путь "изнутри языка", от конкретных содержательных элементов высказывания, "выступают в непрерывном взаимодействии" [7, 22]. Таким образом, внеязыковой аспект выделения семантических категорий "подстраховывается", подкрепляется обращением к конкретным языковым фактам, что позволяет избежать при этом субъективности и произвольности.

Шеститомная серия монографий "Теория функциональной грамматики", реализующая концепцию А.В. Бондарко, дала много ценных результатов и свидетельствует о продуктивности такого подхода к описанию смыслового строя языка. И все же трудно не согласиться с В.С.Храковским, писавшим еще в 1985 г. о том, что пока "проблема формирования ФСП ясна не во всех деталях" [5, 76]. Остается также открытым вопрос, все ли семантические категории и базирующиеся на их основе ФСП русского языка стали объектами описания в этой фундаментальной серии и возможен ли их закрытый список. Сам А.В. Бондарко отвечает на этот вопрос следующим образом: "Конечный список ФСП вообще невозможен, так как отсутствует резкая грань между отдельным полем и группировкой полей, а также между макро- и микрополем" [3, 61]. Такое положение дел не является недостатком избранной методики описания ФСП, поскольку, как полагает Ю.Н. Караулов, "есть все основания считать неопределенность границ онтологически обусловленным свойством семантического поля" [8, 218].

Н.Ю.Шведова в своих последних монографиях (см.: [9]; [10]) предложила оригинальный и очень перспективный путь описания смысловой структуры языка. Работа над фундаментальным шеститомным "Русским семантическим словарем" (первый том опубликован в 1999 г.), а также над однотомным "Толковым словарем русского языка" привела Н.Ю.Шведову к выводу о системной организации лексики. Лексические классы строятся по принципу лексического древа, вершиной своей устремленного к наиболее абстрактным, глобальным смыслам. Размышляя о том, каким образом могут быть проименованы эти смыслы, Н.Ю. Шведова констатирует: "В языке существует закрытая система слов, специально созданная для означения соответствующих понятий и их регулярных модификаций: именно таков класс местоимений..." [10, 6].

К словам, выполняющим функцию обозначения глобальных понятий бытия, относятся исходные местоимения *кто* (существо одушевленное), *что* (предмет, все то, что обозначено языком через понятие предметности), *какой* (признак, открываемый или приписываемый, возникающий в течение или в результате процесса либо имманентно самовывяляющийся), *каков* и *каково* (признак сущностный), *чей* (принадлежность), *как* (способ или образ действия), *сколько* (количество), *насколько*, *сколько* (мера), *кот орый* (признак по вычленяемости из множества), *где* (место), *куда* (направленное перемещение в пространстве с

одного места на другое), *от куда, от коле* (направленное перемещение извне, из одного места на другое), *докуда* (предел), *когда* (время), *доколе* (предел временной), *зачем* (цель, предназначение), *почему, от чего* (причина).

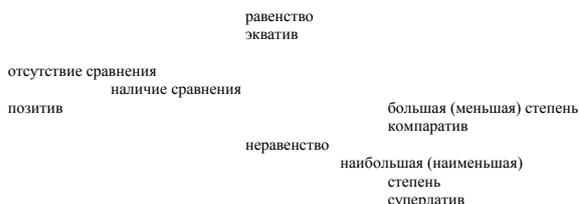
Необходимо отметить, что Н.Ю. Шведова выделяет в русском языке, кроме традиционных классов местоимений, также и класс местоимений-глаголов, или дейктических глаголов. В языках мира местоименные глаголы, или так называемые местоглаголия, признаются типологически редким классом. Встречаются они, например, в татарском и монгольском языках (об этом см.: [11, 12]; [12, 295] и др.). В английском языке глагол *to do* относят к местоименным словам в том случае, когда им замещается глагольная группа, с которой он связан анафорически [12, 295]. В русском языке существование местоименных, или дейктических глаголов обычно не признается.

Однако Н.Ю. Шведова вполне убедительно доказывает, что это не так. Анализируя использование глаголов *делат ь – сделат ь, делат ься – сделат ься*, она приходит к такому выводу: "... все современные словари в той или иной форме последовательно указывают на способность этих глаголов в одном из своих значений обозначать любой процесс (разрядка Н.Ю. Шведовой): протекание бытия, активное действие, деятельность, пребывание в процессуальном состоянии" [10, 10].

Итак, в концепции Н.Ю. Шведовой самодостаточный, закрытый класс местоимений трактуется как самим языком предназначенный для именованья исходных смыслов, или смысловых абстракций ("идей"). Как мы видим, налицо переключки с мыслями Г.П. Павского и К.С. Аксакова, которые тоже считали местоимения выразителями "чистых идей" предметности и качества (см., например, [13, 240]; [14, 9]).

Местоимения представляют собой смысловые исходы, на которых базируются общие смысловые категории языка. Одной из выделяемых Н.Ю. Шведовой общих смысловых категорий является категория меры, смысловыми исходами которой служат местоимения *насколько, сколь*. Как частные категории, формирующие общую смысловую категорию меры непроцессуального признака, могут, на наш взгляд, трактоваться те смысловые комплексы, которые в грамматической традиции получили наименование степеней качества.

В русском языке существуют специальные разряды слов, категориальным значением которых является обозначение подвижного непроцессуального признака предмета (качественные прилагательные) или действия (качественные наречия). Оба этих разряда слов имеют морфологическую категорию степеней сравнения, представленную тремя формами: положительной степени (позитива), характеризующейся отсутствием сравнительного значения, сравнительной степени (компаратива), выражающей значение неравенства сравниваемых степеней признака, и превосходной степени (суперлатива), представляющей данную степень признака как наивысшую в выделенном множестве.² Но с точки зрения функциональной грамматики полученную трехчленную систему степеней сравнения нельзя признать достаточной. Действительно, при функциональном подходе наравне со значением неравенства степеней признака мы должны рассматривать как релевантное и значение их равенства, не имеющее морфологических средств выражения, но регулярно выражающееся на уровне синтаксических построений определенной структуры. Поэтому к степеням сравнения должна быть причислена еще одна степень, а именно равная, тождественная (экватив).³ Вся же система степеней сравнения предстает в таком виде:

Причем все рассматриваемые степени выделяются не только по семантическому признаку, но и по наличию в языке специальных разноуровневых средств для выражения того или иного значения.

Однако наш анализ не завершается и на этом этапе, поскольку степень проявления подвижного признака может рассматриваться не только по отношению к другому носителю (другому состоянию данного носителя), но и безотносительно к такому сравнению. В последнем случае конкретная степень проявления признака соотносится с его типичной, нормальной степенью, т.е. точкой отсчета служит так называемая "норма" признака. Таким образом, система степеней сравнения при функционально-грамматической трактовке может быть интерпретирована как фрагмент единства более высокого ранга, в рамках которого она противопоставляется системе безотносительных (абсолютных) степеней качества.

Говоря о безотносительных степенях качества, следует отметить, что и в этом случае исходной формой для различения всех остальных степеней является позитив, не отмеченный указанием на какую-либо степень проявления признака. Далее, поскольку безотносительные степени определяют интенсивность проявления признака по отношению к его "норме", могут быть выделены такие основные значения в их системе:

"больше нормы", "равно норме" и "меньше нормы". Причем сама норма может характеризоваться не только количественным параметром интенсивности, но и модальным параметром достаточности. В этом случае система выражаемых значений выглядит следующим образом:

слишком		кого/ чего
достаточно	для	
недостаточно		того, чтобы...

Кроме того, тем признакам, которые являются по своей природе предельными (об этом см., напр.: [20, 44]), приписывается динамический параметр достижения/ недостижения предела.

Итак, той или иной степени признака может быть приписан количественный параметр интенсивности, модальный параметр достаточности и динамический параметр полноты (только для предельных признаков). Соответственно различаются такие типы безотносительных степеней качества: 1) степени интенсивности (высокая - нормальная - низкая); 2) степени достаточности (избыточная - достаточная - недостаточная); 3) степени полноты (полная - неполная).

Языковые средства выражения безотносительных степеней качества разнообразны. Наиболее продуктивно они выражаются сочетанием с прилагательными или наречиями показателей меры признака различной природы (адвербиальными, местоименными и пр.). Репертуар такого рода показателей в русском языке очень велик, передаваемые ими оттенки значения чрезвычайно разнообразны и недостаточно изучены. Думается, актуальна задача создания учебного словаря-справочника показателей меры признака в русском языке.

Наиболее узок спектр средств выражения нормальной (средней) степени. Однако вряд ли можно согласиться с мнением И.В.Червенковой, утверждавшей, что русский язык не располагает адвербиальными показателями меры признака со значением его "нормы" [21, 25]. Такие наречия имеются, например: *Сначала ему было очень ст рашно, пот ом нормально ст рашно; Как он, очень умен или т ак себе, средне?* Показатели "нормативности" нельзя рассматривать как окказионализмы, поскольку существуют контексты, в которых их наличие обязательно. Это, в частности, высказывания с градационными рядами, противопоставляющими нормальную степень высокой или (реже) низкой степени.

Итак, система степеней качества в современном русском языке может быть описана следующей схемой:

степени качества		
безотносительные (абсолютные) степени	положительная степень (позитив)	относительные степени (степени сравнения)

В качестве примера смысловых комплексов, представляющих безотносительные степени качества, рассмотрим комплекс со значением высокой степени признака, репертуар средств выражения которой в русском языке, как и во многих других языках мира, наиболее широк.

Распространено выражение высокой степени проявления признака сочетанием прилагательного или наречия с адвербиальными интенсификаторами, среди которых могут быть выделены интенсификаторы чистые, а также осложненные различными дополнительными семантическими или экспрессивно-эмоциональными оттенками. Чистыми интенсификаторами являются, например, наречия *очень* (нейтр.), *весьма* (книжн.), *больно*, *здорово*, *шибко*, *сильно* (просторечн.). Значение максимально высокой степени передает наречие *крайне*. Экспрессивно выражают высокую степень наречия *удивит ельно*, *изумит ельно*, *поразит ельно* и др., а также некоторые типы интенсификаторов, образованные при помощи отрицательных префиксов *без-* (*безумно*, *безмерно* и др.) или *не-* (*невъизможно*, *несказанно*, *неописуемо* и др.). Отрицательная оценка высокой степени связана с наречиями *невыносимо*, *чудовищно* и др., положительная – с немногочисленным рядом интенсификаторов, обычно осложненных остаточным качественным значением, например: *блест яще*, *волшебнo* и др. Широко распространены экспрессивные интенсификаторы *ст рашно*, *уж асно*, *ж ут ко*, причем в этом случае значение отрицательной оценки снято. Возможны сочетания как типа *ст рашно/ уж асно/ ж ут ко плохой (плохо)*, так и *ст рашно/ уж асно/ ж ут ко хороший (хорошо)*. То же можно сказать об интенсификаторах *дьявольски* и *черт овски*. В целом типы адвербиальных интенсификаторов и их значения нуждаются, как уже говорилось, в дальнейшем изучении и описании.

Значение высокой степени признака выражают также синтаксические конструкции с препозитивно расположенными местоименными интенсификаторами *как/ какой*, характеризующиеся в произношении ИК-5 или ИК-6: *Какой огромный! Как спокойно и быст ро плывет в небе!* (В. Катаев. Юношеский роман). Для такого рода построений характерно введение модальных обращений типа *бож е, господи* и др., усилительной частицы *же* и различных междометий (*ай*, *ах*, *ох*, *ух*, *о* и т.п.). Широко распространены построения с интенсификаторами *т ак/ т акой*, *ст оль/ наст олько*, *до чего (ж е)*, *более чем*.

Значение предельно высокой степени, часто осложненное экспрессивно-эмоциональными оттенками, передается родительным падежом с предлогом *до*: *до предела заполнен*, *до крайност и нагл*, *до боли ж алко*, *до слез смешно* и т.п.

Одним из способов выражения высокой степени проявления признака является приравнивание к эталону

этого качества (псевдоэквативные конструкции), напр.: *холоден как лед, черный как смоль (как саж а), зол как черт, силен как бык* и т.п., или указание на то, что этот эталон превзойден (псевдокомпаративные конструкции), напр.: *белее бумаги, т оньше брит вы, смирей овцы* и т.п. В последнем случае в качестве эталона может функционировать субстантивированное прилагательное типа *белое, мрачное* и т.п., напр.: *яснее ясного, чернее черного, ст рашнее ст рашного*.

Значение высокой степени проявления признака может передаваться при помощи различного типа удвоений, а именно: 1) простых (напр. *красивый-красивый*); 2) содержащих форму с суффиксом *-ым* в первой части (напр. *белым-бело*); 3) содержащих во второй части форму с усилительной приставкой (напр. *груст ный-прегруст ный*) или суффиксом (напр. *ж ив-ж ивехонек*).

Повышенной экспрессивностью характеризуется выражение высокой степени при помощи удлинения звуков. Причем удлиниться может как ударный или безударный гласный (напр. *ма-а-аленькое зат руднение, бо-о-ольшие неудобст ва*), так и согласный (шумный или сонорный) корня (напр.: *Невраст еник он ж ж ут кий; Кр-расиво!* и т.п.).

Наконец, последний по месту, но не по значению способ выражения высокой степени признака - это использование различных сло-вообразовательных средств (суффиксов *-ейш-/-айш-, -ущ-, -енн-*; префиксов *наи-, пре-, раз-, сверх-, ульт ра-* и пр.). Этот аспект проблемы является в настоящее время наиболее изученным.

Существует также ряд периферийных способов выражения высокой степени проявления признака при помощи образованных от прилагательных существительных (*Он наст оящий красавец; Ну и т епльнь сегодня!*; *Молоко высокой жирности* и т.п.), существительных с эталонным значением (*Он осел/ шляпа/ дубина* и т.п.), специальных фразеологизированных конструкций (*Вот подлец т ак подлец!*; *Всем дуракам дурак; Ай да хит рец!* и т.п.).

Таким образом, смысловой комплекс со значением высокой степени проявления признака представляет собой сложное единство, включающее основные ("ядерные") и периферийные разноуровневые средства выражения смысловой доминанты и ее вариантов.

В качестве примера смысловых комплексов, представляющих относительные степени качества (степени сравнения), может быть рассмотрен комплекс со значением равной степени.

Смысловой доминантой этого комплекса является эквативное значение, т.е. значение равенства сравниваемых степеней признака. Как варианты этого значения могут трактоваться значения разделительно-эквативное и включительно-эквативное. В первом случае предполагается раздельное рассмотрение сравниваемых носителей признака (или различных состояний одного носителя), во втором – их включение в единое нерасчлененное множество.

Разделительно-эквативное значение, в свою очередь, представлено в двух вариантах: сравнительно-эквативное и уравнительно-эквативное. Сравнительно-эквативное значение предполагает сравнение степеней признака с констатацией их равенства, уравнительно-эквативное значение характеризуется установлением равенства степеней признака путем отрицания их неравенства.

Средствами выражения сравнительно-эквативного значения являются синтаксические конструкции типа *Он т ак же умен, как и брат ; Ему ст оль же весело, как и т ебе; Здесь в т акой же ст епени холодно, как и т ам* и т.п.

Уравнительно-эквативное значение передается в построениях типа *Он не менее умен, чем т ы; Сегодня не более т епло, чем вчера; Эт а книга не более, но и не менее инт ересна, чем т а* и т.п. Чаще всего встречаются построения с элементом *не менее*.

Включительно-эквативное значение выражают синтаксические построения типа *Они одинаково умны; Здесь и т ам в равной ст епени холодно; Мне равно инт ересно и чит ат ь, и переводит ь* и т.п.

Следует добавить несколько слов по поводу наречия *равно*. Для современного русского языка оно является устаревшим, однако широко используется как первая часть сложных имен прилагательных, достаточно распространенных в научном стиле речи: *равновеликий, равноудаленный* и т.п. Характерной особенностью таких прилагательных является их употребление при именах существительных во множественном числе (*т очки, равноудаленные от прямой*) или в сравнительных построениях с эквативным значением (*величина, равновеликая данной*). Словосочетания с такими прилагательными могут рассматриваться как свернутые варианты эквативных конструкций.

Итак, по своей структуре смысловой комплекс со значением равной степени является трехсегментным. Его сегменты характеризуются сравнительно-эквативным, уравнительно-эквативным и включительно-эквативным значениями, причем первые два сегмента противопоставлены третьему по наличию противопоставительного или включительного значения. Средствами выражения эквативных значений являются сложные предложения, включающие различного типа сравнительные обороты, простые предложения с наречными показателями эквативности, а также словосочетания с прилагательными определенной структуры.

Предлагаемое описание смысловой категории меры признака как комплекса степеней качества может быть использовано в теоретических курсах русской грамматики, в практике преподавания русского языка как неродного при отборе и описании грамматического материала, а также при составлении спецкурсов,

ориентированных на различные категории учащихся.

Примечания

1. Если при анализе языкового материала исследователем учитывается коммуникативная значимость вычленимых смыслов, отражающая речевые интенции говорящего, мы получим единство, для определения которого Н.И.Формановская использует термин "коммуникативно-семантическая группа" [6, 71-76].

2. Нами приведена традиционная трехчленная система степеней сравнения. См., напр., [15, 199-210]. Однако часто из этого ряда исключается превосходная степень [16, 547]. Некоторые исследователи вообще не считают степени сравнения категорией морфологической [17, 119].

3. В зарубежной лингвистике включение экватива в систему степеней сравнения достаточно распространено. См., напр., [18, 287]. В отечественной грамматической традиции впервые рассматривал равную степень как степень сравнения И.Ф.Калайдович [19, 54].

Литература

1. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. Изд. 3-е. – М., 1984;

2. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка. – В кн.: Проблемы функциональной грамматики. М., 1985;

3. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л., 1984;

4. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974;

5. Храковский В.С. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики. – В кн.: Проблемы функциональной грамматики. М., 1985;

6. Формановская Н.И. О коммуникативно-семантических группах и функционально-семантических полях. – Русский язык за рубежом. 1986, № 3;

7. Бондарко А.В. Функциональная модель грамматики (теоретические основы, итоги и перспективы). – Язык и речевая деятельность. Т.1. 1998;

8. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., 1976;

9. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М., 1998;

10. Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. – М., 1995;

11. Крылов С.А. О семантике местоименных слов и выражений. – В кн.: Русские местоимения: семантика и грамматика. – Владимир, 1989;

12. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990;

13. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2. – СПб., 1850;

14. Аксаков К.С. Критический разбор "Опыта исторической грамматики русского языка" Ф.И.Буслаева. – В кн.: Полн. собр. соч. Т.2. Ч.1. М., 1875;

15. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) Изд. 2-е. – М., 1972;

16. Русская грамматика. Т.1. М., 1980;

17. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. – М., 1981;

18. Есперсен О. Философия грамматики. Перев. с англ. – М., 1958;

19. Калайдович И.Ф. Грамматика языка русского. Ч. 1. – М., 1834;

20. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.II. – М., 1995;

21. Червенкова И.В. Общие адвербиальные показатели меры признака (в современном русском литературном языке). АКД. – М., 1975.